

Дмитрий Левочский

РЕЖИМ БОГА

и другие
рассказы

Дмитрий Левочский

Режим Бога

«Издательские решения»

Левочский Д. С.

Режим Бога / Д. С. Левочский — «Издательские решения»,

Перед вами небольшой сборник самых, как мне кажется, приличных рассказов, написанных за последнее время. Чаще всего сюжеты взяты из детства, школьной жизни. Детство девяностых годов оставило сильное впечатление, запомнилось надолго. Про него и стараюсь писать. Получается, как получается.

Содержание

Выйти	6
Американский синдром	7
Режим Бога	8
Ночные страхи	10
Аврора	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

**Режим Бога
и другие рассказы
Дмитрий Сергеевич Левочский**

© Дмитрий Сергеевич Левочский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Выйти

Важное явление в школе – право у каждого ученика выйти как минимум один раз во время урока. Право ценное: можно почти в любой момент остановить урок и получить несколько минут свободы и тишины. Выходят за разным. В туалет не выходят почти никогда. Чаще курить или выпустить эмоции наружу – на уроке нельзя. Школа во время такого выхода пугала тишиной. Это была тишина спящего улья, тишина опорного пункта милиции во время инструктажа. Чтобы как-то ее заполнить, я слушал музыку. В тот раз тоже слушал, хоть и сидела батарейка в кассетнике. Мне нравилось, что голос у певца постепенно теряет скорость и силу. Он устает, поет против желания. Наконец голос застревает как бы в густом киселе и можно возвращаться обратно. Расслабившись, я не сразу заметил движение за спиной. Я дернулся, но меня заметили. Это была самоубийца, о чем я пока не знал. Девчонка из старшекласников. Звали-то ее как-то просто. Юля, кажется. Поразил ее колоссальный свитер – почти до пола. Больше на ней ничего толком не было. Свитер мешком, кроссовки и волосы светлые.

– Я не кусаюсь – а голос грубый, хриплый. Курили там здорово. – Я знаю. Просто неожиданно.

– Чего слушаешь? Дай послушать!

Она сама взяла один наушник и села рядом со мной.

Мы немного так посидели – я и самоубийца Юля на полу во время урока. Я все косил на нее глазами, пытаюсь рассмотреть: какая? Юля была ничего себе. До того ничего себе, что я немного пожалел о том, что у нее в ушах именно это – умирающий голос, слов не разобрать.

– Воу... Воу... Воу... Мычит что-то, а что непонятно. Ты чего тут сидишь-то? Накурился? – Не, я не курю.

– А я курю. У нас недавно вечеринка была дома.

Я попросил рассказать про эту вечеринку.

Юля рассказала такую историю: все напились и накурились, а ей стало грустно. Она сидела вот точно также на полу, и вдруг из груди ее выскочила душа.

– Человек такой небольшой. Как ребенок. Ручки, ножки. Я ее за плечи схватила и обратно в грудь.

Я начал любоваться Юлей издалека. Была какая-то порнографическая простота, с которой она разговаривала с учителями, со сверстниками. На школьницу она не тянула, но с ролью своей ничего сделать не могла.

Один раз, валяя дурака с одноклассниками, расшумелись сильнее обычного. Я был ни при чем, поэтому замечание от Юли получил мой товарищ по парте. Грубая Юля с вечной жвачкой во рту и микроскопическими зрачками, но красивая, как богиня, назвала его «мудила грешный». Я охнул и присел. Трудно понять, каково это – получить пощечину от такого вот ангела. Конечно, пристал к парню: «Ну как тебе? Ты жить-то теперь сможешь?».

Долго еще болталась в моей жизни. То на улице видал ее, распивающей водку. Один раз она на всю улицу, заметив меня, приглашала присоединиться. Я отказалась, и она прицепилась к моему собеседнику: «Ну бухни хоть ты со мной, Андрюшка! Андрююююшка! Андрюшка, хуй те в ушко!» – И сразу рассмеялась счастливым, добрым и невероятно заразительным смехом. Все тогда растворялось: и водка, и Андрюшка, и помада ее дешевая. Только вот этот смех вот – дзынь... дзынь... дзынь... Свидетели говорят – повесилась. Почему – неизвестно. Бабки-тетки рукой машут устало: «Пила и сдохла, чего обсуждать?». Картины не вяжутся в голове – петля, табуретка, и вместе с этим – голубые глаза, волосы ее светлые и неаккуратные. От чего бежать такому человеку? От чего прятаться? Думал, думал, а потом пришел сон и забрал меня – и я уснул, не придумав ничего.

Американский синдром

Я совершенно не помню, как это начиналось. О чем я думал, как докатился. В какой книжке про это можно прочитать? Память, завернув сознание в тугую простыню, долго волочила меня по серому небытию, из которого лихо шмякнуло на твердый линолеум настоящего момента. Момент был таким: я положительно отвечаю на предложение «выйти поговорить». Таков был уговор – я начинаю вспоминать. Я пообещал себе, что соглашусь на любую экзекуцию, которую они придумали. Мы идем к двери. Я впереди, руки в карманах, трое сзади – злобные и голодные, как посетители «Макдака» в субботний день. Далее можно было вести себя тремя возможными способами: воззвать к милосердию нападавших, которое и правда иногда обнаруживалось в пахнущих пивом складках хмурой души, попробовать убежать, или начинать защищаться. Этот сценарий начинался каждый раз одинаково. Я знал наизусть все уловки, все возможные претензии и способы сделать больно. Однако сегодня больно должен был сделать я. Такой уговор тоже был, а обещания надо хотя бы пытаться выполнять. Без посторонних мыслей достаю из кармана «ПМ». Пистолет я купил у одного очень странного типа, который держал антикварную лавку на Арбате. Причиной покупки был, разумеется, живой интерес школьника к военной истории, который, сэкономив на пиве, увлекся наукой. ПМ был направлен в брюхо здорового Леха (толстый, с двойным подбородком, глаза наглые, жадные). Он нисколько не испугался. «У него пистолет», – сказал Леха. Лехины друзья молча двинулись на меня. Они не смотрели на «ПМ», на руки. Все три взгляда – прямо в глаза. И на меня идут. Когда я выстрелил, впервые в жизни увидел в глазах людей неподдельный страх. Два жутких страха по бокам и один смотрит прямо в глаза, зажимая руками толстый сильный живот. Выстрел пистолета – хлесткий, разрывающий воздух звук. Леха стонал, ползая по полу, а по краю взгляда появлялось все больше и больше любопытных и испуганных глаз. Пронзительно заорали девочки – я подумал, что у меня голова лопнет. Надо было что-то делать дальше обязательно.

Одной рукой я продолжал держать пистолет, водя по бледным, хоть и упитанным лицам, а другую поднял вверх, призывая бедлам к тишине.

Вот теперь тихо. Теперь никто не мешает творить мне то, что я хочу. В этот момент я действительно в это поверил и приступил к делу. Память и воображение, соревнуясь друг с другом, подкидывают все новые мысли и образы: пороховой дым, кровь на тетрадках, торжество слабости на силой и бесконечное желание сделать больно. Я пытаюсь играть в то, во что они верят по-серьезному. Я не могу этого понять – природа насилия чужая и странная. Но этой природе поклоняются все. Перед этой природой все равны. Ты обязан сделать больно, иначе «не мужик». Когда вся сделанная мною боль скапливалась на бумаге – как вот этот вот небольшой отрывок, кусочек быстро истлевал и оказывался в мусоре. Мерзкие и лживые существа и сейчас где-то поджариваются за свои грехи – в Подмоскovie немало горящих помоек, где до сих пор тлеет исписанная мною бумага.

Режим Бога

Отец приходит домой поздно. Иногда даже слишком. Но я никогда не засыпаю до его прихода. Сквозь бредовые мечтания до меня доносится траурный вой последней электрички, отходящей от станции и бесцельные фантазии складываются в четкую картинку: отец идет от станции, голодный и замерзший. Проходит через череду дворов, мимо школы, куда я хожу каждый день, хотя в этом нет совершенно никакой необходимости, потом подходит к дому, поднимается по лестнице и тихонько стучит в дверь. Отец дома. Я с рождения был уверен, что настанет такой день, точнее ночь, когда он не придет. Каждый раз я считал, что такой день настал, хотя он ничем не отличался от предыдущего: пробуждение, телевизор, чай, дорога, школа, дорога, дом. Ну, может быть, драка. Может быть, новая игра. Может быть, новая девочка в классе. А отец сегодня не придет. Но вот стучится.

Я знаю, что у нас проблемы с деньгами. Я знаю, что отец выпил немного для храбрости. И я прекрасно знаю, что сейчас будет.

Пошептавшись немного с матерью, переодевшись и поужинав, папа, наконец заглянул ко мне в комнату. Родители знают, что я не сплю. Они знают, что мне не нужно спать. Я могу не спать, если попросят, или если я сам не захочу. Но я люблю спать. Несмотря ни на что.

– Привет, – его голос слегка дрожит, я это чувствую. Если надо, я мог бы даже увидеть его мысли, но я почему-то боюсь это делать. – Как дела в школе?

– Нормально, – стандартный ответ на стандартный вопрос. – Сынок... Я понимаю, что ты устал. Я понимаю, что наши с мамой просьбы тебя выматывают. Поверь мне, если бы не эта чертова страна и не этот кризис, я бы никогда...

– Ничего, папа, – отвечаю я, – это ничего. – Ты не волнуйся. Я все понимаю. Ты скажи, сколько надо?

Отец замолкает и переводит дух.

Родители просят у меня деньги не так уж часто. Отец Гермоген, духовный наставник моего отца, в последний раз сказал им про бесовскую природу моего дара, но деваться некуда – не заплатишь за квартиру – пойдешь жить на улицу. И никакой отец Гермоген к себе не пустит, как пить дать.

– Сынок, нужно два миллиона. Иначе с нас не слезут.

Вот тут важно больше не рассусоливать. Встаю с кровати, упираюсь босыми ногами в пол. Начинается.

Как я это делаю? Я и сам не знаю. Кое-кто сравнивает мой дар с вождением автомобиля. В какой-то момент стирается грань между машиной и человеком и все действия приобретают инстинктивный характер.

Складываю руки ладонями друг к другу, и мысленно представляю эти самые два миллиона – ворох синеватых, темных бумажек. И сразу же – шур-шур-шур-шур между пальцами. Деньги возникают ниоткуда, все больше давят на руки так, что под конец становится тяжело удерживать эту бумажную кипу. И вот они – два миллиона между двух мальчишеских рук. Отдаю отцу.

– Спасибо. Прости ты нас с матерью. Ложись спать. Я понимаю, что тебе не очень хочется, но ты все-таки ложись.

И ушел. И больше ничего. Но я благодарен отцу. Он принес запах мороза, нагретой компьютером пыли и города. Я люблю эти запахи. Подозреваю, что всякий житель области их любит.

Ложусь спать, но сон не идет. В голове почему-то смятение и тоска. Не беда, я знаю как это лечится. В конце концов, одну ночь сна можно и пропустить. Что-что, а родители сегодня точно ругать не будут. Или завтра. Но это уже не важно.

Я встаю и подхожу к окну. Лес темной щетиной давит на окна. Холодный, колючий и злобный зверь. Он притягивает, но он и пугает. Пожалуй, город все-таки лучше. Значит – в город. В Москву. Открываю окно, набираю полную грудь морозного январского воздуха и, не раздумывая больше ни секунды, прыгаю в черную подмосковную ночь. Прозрачный и неосязаемый зимний ветер послушно принимает меня на себя и несет в сторону Москвы, – огромного сияющего поля в зимней ночи, где очень много людей и где можно абсолютно все.

Ночные страхи

Курят не потому, что хочется. Курить противно и неприятно, хоть и привыкали со временем. Курить надо, курить положено в этом странном обществе. После сорокаминутных попыток учителя донести до нас суть своего урока, мы шли курить. Шли, словно подчиняясь чьей-то капризной и больной воле. Старый, брезгливо-омерзительный мужик, не видимый нашему глазу, заходил на каждую перемену в школу и подталкивал тебя на улицу: иди, мол. Надо. Шли за угол, доставали у кого что. Дорогие марки были не у всех. «Парламент» и «Кент» позволить себе может не каждый. Поэтому, курили «молодежные»: «Честерфилд», «ЭлЭм» и прочее. В тот раз нас было двое. Я и одноклассник, по имени Юра, которого я видеть не очень хотел. Этот Юра был садист. В его арсенале были десятки самых изощренных пыток и унижений. Сегодня под весенним солнышком он опробовал на мне одну из самых безобидных: я слушал его подробные рассказы про страдания, которые он причинил людям. Когда сигарета дотлела до середины, я слушал уже про пятого. Участь их была одинакова: Юра и банда таких же садистов подкарауливали жертву и били кастетом в затылок, отчего человек падал без сознания. Человека грабили и шли дальше. На второй сигарете, которыми мы, не сговариваясь, задымили через пару минут, история приобрела неожиданную развязку. Один из прохожих, которому Юра нанес удар, сознания не потерял. Он повернулся и внимательно посмотрел на нападающих. Потом они познакомились и стали бить всех вокруг вместе. Истории эти были очень похожи одна на другую. Я мог бы рассказывать их за него, но я предпочитаю слушать. Иногда это было интересно, чего греха таить. Натурализм и жестокость некоторых из них не пугала, а смешила и забавляла, как этом делали, например, садистские стихи, популярные тогда.

Когда темно и тихо на улице, затылок ломит от летящего в него кастета. Оборачиваешься и идешь быстрее, прячась в длинных тенях столбов от беспокойных призраков прошлого.

Аврора

Родители, игнорируя массовую истерию лететь в Тунис, на Канары и в Турцию, повезли меня в теплоходный круиз по рекам России.

Я сразу полюбил теплоходы. Там все по-честному. Настоящая машина, неподдельная вода и реальные опасности: однажды едва унес ноги от гопников с родины Есенина: очень уж им хотелось проверить содержимое моих карманов, но не вышло.

Попадались, конечно, и девочки. Пространство-то замкнутое, никуда не денешься. Надо общаться. А как общаться? Никто не знал и не умел. Вот была как-то раз девочка Катя. Смуглая, темноволосая, от нее как будто сияние исходило для всех, поэтому и влюбился в нее весь корабль. Больше всего мой сосед по каюте – парень, с которым я первый раз в жизни пил алкоголь. Было весело и страшно. А тут вдруг – влюбился. Почему-то он решил, что я специалист по женским сердцам. А я не спорил. Советовал ему смешить ее почаще. Удивительно, но это сработало. Катя, действительно, постоянно смеялась и была, как мне казалось, очень благосклонна к моему соседу. Он был счастлив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.